

Круглый стол
«Проблемы истории и теории
интермедиальных исследований»

Артём А. Рыжков

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург,
Санкт-Петербург, Россия, artjomaryzhkov@gmail.com*

Надежда В. Савченко

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург,
Санкт-Петербург, Россия, nvsavchenko_1@edu.hse.ru*

Аннотация. Статья представляет собой обзор круглого стола «Проблемы истории и теории интермедиальных исследований», который прошел 9 апреля 2022 г. Мероприятие состоялось в петербургском кампусе НИУ ВШЭ под эгидой научно-учебной группы «Трансмедиальные исследования литературы». На трех заседаниях участники обсудили историю и теорию интермедиальности, а затем традиционные (опера, кинематограф и т. д.) и современные (видеоигры, рок-музыка и т. д.) медиа и их мультимодальный характер. Докладчики, дискуссанты и слушатели попытались определить, как словесность влияет на другие медиа и насколько продуктивно применение филологических методов анализа к другим искусствам. В ходе обсуждения выявлено, что «старые» и новые медиа стремятся к синкретизму не только внутри объекта, но и на жанровом, плюримедиальном и когнитивном уровнях. Обозначены различные подходы к интермедиальной теории, которые остаются прежде всего междисциплинарными.

Ключевые слова: интермедиальность, литература, литературность, медиа

Для цитирования: Рыжков А.А., Савченко Н.В. Круглый стол «Проблемы истории и теории интермедиальных исследований» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 6. С. 157–166. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-157-166

Round table “Problems of the history and theory of intermediality studies”

Artem A. Ryzhkov

*HSE University – Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia,
artyomaryzhkov@gmail.com*

Nadezhda V. Savchenko

*HSE University – Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia,
nvsavchenko_1@edu.hse.ru*

Abstract. The following article describes the April 9, 2022 roundtable “Issues of the History and Theory of Intermedial Studies”. The event was held on the National Research University Higher School of Economics’ St. Petersburg campus under the auspices of the research group “Transmedial Literature Studies”. Participants discussed the history and theory of intermediality in three sessions before delving into traditional (opera, cinema, etc.) and modern (video games, rock music, etc.) media and their multimodal nature. Speakers, panelists, and audience members attempted to determine how literature influences the other media and how fruitful it is to use philological methods to analyze other arts. It was revealed during the discussion that “old” and “new” media strive for syncretism not only within the object, but also at the genre, plurimedial, and cognitive levels. Several approaches to intermedial theory were presented, all of which are primarily interdisciplinary.

Keywords: intermediality, literature, literariness, media

For citation: Ryzhkov, A.A. and Savchenko, N.V. (2022), “Round table ‘Problems of the history and theory of intermediality studies’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 157–166, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-157-166

9 апреля 2022 г. в петербургском кампусе НИУ «Высшая школа экономики» в смешанном формате состоялся круглый стол «Проблемы истории и теории интермедиальных исследований». Мероприятие организовали участники научно-учебной группы «Трансмедиальные исследования литературы».

Литературоцентричный взгляд на интермедиальную проблематику объясняется многими факторами: универсальностью слова как средства коммуникации, накопленным опытом компаративистских исследований литературы и других искусств, которые стали отправной точкой для интермедиальной теории, а также утверждениями структуралистов о всеобъятности тек-

ста, открытого к семиотическому взаимодействию. Неслучайно в 1983 г. Оге Ангсар Ханзен-Леве ввел термин «интермедиальность», говоря о взаимодействии литературы и живописи в русском модернизме. Наконец такую оптику восприятия диктует дисциплинарная принадлежность организаторов мероприятия – филологов.

Участникам было предложено поразмышлять о том, как разные аспекты литературности «пронизывают» другие искусства и/или медиа, влияя на их содержание и форму, на их рецепцию и бытование в медиасреде. Таким образом, круглый стол стал пространством для обсуждения гипотезы о трансмедиальном характере ряда категорий, которые ассоциируются со словесным искусством, и круга конкретизирующих вопросов.

Сдало ли художественное слово свою доминирующую позицию среди старых и новых медиа? Насколько роль словесности в истории и методологии интермедиальных исследований связана с нарративностью как трансмедиальным явлением? Существуют ли в полном смысле невербальные медиа и, если да, каков корректный язык их научного описания? В каких случаях приветствовать параллели с литературой, а в каких – избавляться от них?

Гипотеза определила формат мероприятия: три тематических заседания, посвященных теории и истории интермедиальности, изучению старых и новых медиа. На каждом заседании выступили специалисты с совершенно разным дисциплинарным, исследовательским и методологическим бэкграундом.

Заседание «Общие вопросы истории и теории интермедиальности» открыл руководитель научно-учебной группы «Трансмедиальные исследования литературы» Иван Андреевич Делазари (НИУ ВШЭ). В своем вступительном слове он обрисовал рамки будущего разговора. С одной стороны, проблематика круглого стола всегда вызывала интерес, потому что интермедиальные связи между медиа эксплицитно явлены и понятны людям. С другой стороны, теория интермедиальности, по замечанию многих ученых, не имеет собственной методологии и всегда базируется на междисциплинарном подходе, в рамках которого специалисты в одной области занимаются «не своим делом». Литература, опирающаяся на естественный язык и имеющая обманчиво «интуитивный» интерфейс (все грамотные люди умеют читать и писать), часто становится точкой отсчета и для энтузиастов, и для скептиков. Отдельные параметры конститутивного, по Ж. Женетту, режима литературности относительно легко проникают в другие медиа, включая отдельные произведения или целые дискурсивные феномены. Как этот процесс происходил вчера и как сегодня?

На этот вопрос, как нам кажется, попытался ответить О.А. Ханзен-Леве (Мюнхенский ун-т Людвиг-Максимилиана) в докладе «Искусство как медиум или медиум как искусство: от девербализации до ревербализации медиальности». Исследователь показал, как в ходе бурной эволюции медиасреды менялись роль и функция слова. Авангардистское искусство пыталось уйти от гегемонии вербального и создать новые невербальные языки. Однако семиотически описать соответствия между знаками и уровнями невербальных искусств оказалось сложнее, чем в случае с вербальным искусством.

Сейчас идея «чистой медиальности» сменяется идеей «мета-медиальности» в вербальном изводе: не отказывая новым медиа в их уникальности, ученые-теоретики и творцы-практики все равно прибегают к словесным описаниям, а их деятельность формирует новую теорию интермедиальности, новые медиа и новые области для изучения.

Марина Викторовна Загидуллина (ЧелГУ) в докладе «Тотальность нарратива и (не)уникальность филологии» предложила уйти от вопроса о переводе вербального языка на язык других медиа и сосредоточиться на специфике языка словесности. Эта нетривиальная идея нам кажется крайне продуктивной: действительно, чтобы говорить о взаимодействии между литературой и другими медиа, мы должны понять, почему это вообще стало возможно.

М.В. Загидуллина связывает эту способность слова к переводу с когнитивной способностью человека к нарративизации действительности. Люди создают истории во время своей деятельности. Следовательно, литература как медиа и филология как ее мета-язык универсальны в силу тех исторических процессов, в ходе которых они всегда были на первом плане, а литературный нарратив – самый яркий пример нарратива, хотя отнюдь не главный и не единственный.

Особо отметим последний тезис исследовательницы о потенциальной интермедиальности литературоведения. Инструменты этой дисциплины могут и должны стать способом мыслить не только о других медиа, но и о самом человеке, вовлеченном в усложнившееся медиапространство.

Сергей Николаевич Зенкин (РГГУ / НИУ ВШЭ) в докладе “*Imago in fabula*” сконцентрировался на частном аспекте интермедиальности – теории интрадигетического образа. Под последним понимается визуальное изображение, фигурирующее в повествовании как действующее лицо и нарратор. Это возможно благодаря материальному носителю в предметной действительности и явной границе между ним и фикциональным миром.

С.Н. Зенкин отметил, что эти образы существуют в культуре еще со времен Античности, однако постоянным художественным элементом они стали в творчестве немецких романтиков. Прослеживая эволюцию интрадиегетического образа в творчестве О. де Бальзака, Э.Т.В. Гофмана, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и др., докладчик приходит к современному медиа – кино.

Мысли исследователя снова возвращает нас к проблеме перехода, циркуляции и обмена между разными медиа, которые позволяют проследить эволюцию не только отдельных образов, но и разных художественных систем, в частности художественных изображений: их акцентированность, воспроизводимость, коллажность и пр.

Тезис о проницаемости границ медиа также развила одна из дискуссанток. Юлиана Владимировна Каминская (СПбГУ) продолжила размышления О.А. Ханзен-Леве о музеях и отметила случаи, когда музей перестает быть музеем, а немوزهное пространство превращается в музей.

Второе заседание «Польза или вред интермедиальной теории в изучении новых медиа» открыл участник научно-учебной группы Артём Александрович Рыжков (НИУ ВШЭ). Он отметил, что концепция заседания наглядно выражает научную идеологию всего проекта: безоценочный интерес к любым медиа.

Юрий Викторович Доманский (РГГУ) выступил с докладом «Рок-поэзия как поэзия». В начале он перечислил основные этапы изучения рок-поэзии в России. Эти штудии прошли путь от анализа только вербальной составляющей текстов к «синтетической» филологии, которая пыталась стать универсальной дисциплиной для целостного изучения песенной культуры. Однако, по мысли исследователя, это не привело к существенному приращению смысла и более глубокому пониманию феномена. Поэтому Ю.В. Доманский предложил вновь вернуться к вербальному уровню произведения.

Прочерченный таким образом вектор развития переключается с тезисами О.А. Ханзен-Леве о девербализации и ревербализации разных медиа – в данном случае речь идет о научном метаязыке описания рок-поэзии.

В качестве конкретного примера «словоцентричной» методологии докладчик предложил понятие «ударных формул» – элементов текста, которые постоянно повторяются, находятся в определенной позиции и концентрируют все внимание реципиента на себе. Ударная формула становится способом идентификации рок-поэзии в ряду других поэтических явлений.

Юлия Александровна Магера (НИУ ВШЭ / Ун-т Рюоку) в докладе «Повествовательная манга и ее графико-символический

язык» размышляла о положении манги в негласной иерархии искусств. Традиционно литература по отношению к комиксам мыслится как нечто высокое и главенствующее, а комикс по отношению к ней – как массовое и подчиненное. Это повлияло на ряд особенностей манги.

С одной стороны, исследователи находят истоки манги в книжной культуре эпохи Эдо и гравюрах укиё-э. Даже название многокадровой, наиболее распространенной манги – моногатари-манги – восходит к названию японского литературного жанра моногатари. С другой стороны, визуальный потенциал манги позволяет исследовать особый язык комиксов: правила чтения и построения, выразительные элементы и т. п.

Все это указывает на двунаправленную тенденцию в эволюции манги, которая балансирует между зависимостью от литературы – в таком случае манга считается разновидностью последней – и автономностью нового медиа, связанной с визуальным поворотом.

Алексей Сергеевич Салин (ТюмГУ) в докладе «Имплицитный читатель/игрок как основа герменевтики видеоигр» заметил, что исследованиями видеоигр с самого начала занимались именно литературоведы. Это объясняет, почему специалисты в области *game studies* отдают предпочтение именно филологическому инструментарию. Иллюстрируя свою мысль, А.С. Салин обратился к концепции имплицитного читателя В. Изера.

По утверждению докладчика, это понятие можно продуктивно использовать в герменевтике видеоигр, изучая «имплицитного игрока». Имплицитный игрок – своеобразная функция, которая задается игровыми и неигровыми элементами, чтобы стать отправной точкой для интерпретации происходящего реципиентом. При этом интерпретации, людические и экстралюдические, вынуждают игрока опираться на свои качества, способности и добродетели. В таком случае игра становится для человека способом герменевтики себя, самопознанием, по М. Фуко.

Выступления докладчиков вызвали отклики дискуссантов. В частности, Василиса Александровна Попова (НИУ ВШЭ) поставила вопрос о том, продуктивно ли доминирование филологического инструментария при изучении новых медиа, а Софья Васильевна Ткачук (НИУ ВШЭ) заметила, что именно литературные элементы в других медиа и позволяют филологам говорить о них.

Представляется, что прозвучавшие тезисы и вопросы указывают на две тенденции в изучении новых медиа: опору на достижения филологической мысли и художественной словесности и параллельный поиск медиаспецифичных черт рока, манги, видеоигр и иных средств популярной художественной коммуникации.

Третье заседание круглого стола модерировал Дмитрий Викторович Токарев (НИУ ВШЭ), и оно было посвящено интермедиальному осмыслению традиционных медиа. В докладе «“Нюрнбергские майстерзингеры” Рихарда Вагнера: опера воспитания (Bildungsoper)?». Борис Михайлович Гаспаров (Колумбийский ун-т) рассказал об апроприации нарративной структуры известного литературного жанра в метамузыкальном повествовании композитора. Такой ракурс анализа вызван скептическим отношением Б.М. Гаспарова к интермедиальной теории, которое сменило его былой энтузиазм. Докладчик заметил, что в интермедиальных исследованиях слишком часто концентрируются на «риторических», очевидных аспектах взаимодействия.

В начале ученый отметил присущую опере статичность образов. В отличие от романа-воспитания, где мироощущение героя и его характер меняются по мере прохождения различных испытаний, позволяющих его личности в конечном счете самореализоваться, опера предлагает реципиенту «застывший» образ с ограниченным набором качеств и реакций, которые сохраняются на протяжении всего повествования. Однако “Die Meistersinger von Nürnberg” выводит на оперную сцену персонажей, способных к рефлексии и внутренним метаморфозам, и показывает процесс их становления, который сопряжен с музыкой – двигателем и материей сюжетостроения.

Так, опера Р. Вагнера, на наш взгляд, поддается описанию с литературоведческих позиций, «заимствуя» из литературы как минимум два приема: структурообразующие элементы романа воспитания и «текст в тексте». Во-первых, персонажи оперы, получая жизненный опыт путем осмысления травматичных событий, вовлекаются в процесс самопознания и изменения. Во-вторых, как было верно подмечено во время дискуссии, в рамках оперы главный герой учится петь, то есть музыка изображает музыку. Таким образом, перенимая некоторые традиционно литературные жесты, “Die Meistersinger von Nürnberg” нарушает границу собственного жанра, формируя новый, интермедиальный тип повествования между музыкой и словесностью – Bildungsoper.

Продолжила разговор о зыбкости разграничения разных медиа Оксана Леонидовна Булгакова (Майнцский ун-т им. Иоганна Гутенберга) с докладом «Интермедиальность, трансмедиальность, интермодальность. Зачем кино и словесности эти новые (или все-таки старые) теории?». Кратко обозначив путь развития киноискусства, исследовательница указала на симбиотический характер кинотеории, которая «каннибализирует» разные подходы к интерпретации искусства (литературоведческий, искусствоведческий и др.).

Тем не менее кинематограф не только поддается интерпретации внешних теорий, но и позволяет взглянуть на классические произведения под другим углом, что доказывает пример С.М. Эйзенштейна, ярко переосмыслившего ряд образцов литературного кано́на (например, поэмы А.С. Пушкина или романы Л.Н. Толстого). Благодаря собственной перцепции произведения как киноленты, то есть с помощью раскадровки и монтажа описательного отрывка, режиссер актуализировал динамику текста и сфокусировал внимание реципиента на аудиальных и визуальных аспектах литературного произведения.

Сейчас кинематограф, сохраняя свою интермедиальную направленность, осваивает знаки современности, из-за чего в киноленту интегрируются социальные сети. Так, на киноэкране непосредственно появляется текст – раньше это считалось нарушением установки на создание чистого медиума. Значительную роль играет не только смысловое наполнение текста, но и его визуальное представление. Более того, кино обращается и к другому примечательному маркеру современности – видеоиграм с их ненадежным нарратором и альтернативными исходами. Таким образом, кинематограф стоит рассматривать прежде всего в мультимодальной перспективе и с опорой на медиальный контекст, в котором кинематограф появляется.

Круглый стол завершился докладом Наталии Николаевны Мазур (Европейский ун-т) «Putting a name to a face? Традиция изучения интермедиальности в истории искусства и визуальной культуры». В нем исследовательница обосновала необходимость междисциплинарного подхода к анализу артефакта.

По словам докладчицы, каждый медиум обладает определенными правилами построения, которые необходимо знать и учитывать при его изучении. Ввиду сложносоставного, мультимодального характера многих артефактов исследователь вынужден применять комплексный, то есть основанный на нескольких системах описания, подход, к чему стремится искусствоведение. Н.Н. Мазур апеллировала к трехступенчатой модели анализа артефакта, сформулированной А. Варбургом, суть которой заключается в постановке трех вопросов: что изображено и что может быть изображено? Что тем самым сказано и что вообще может быть сказано? Что может быть помыслено в данную эпоху? Подобная модель уже указывает на неразрывность мультимодальных аспектов артефакта.

На начальном этапе искусствоведы обращались к осмыслению религиозной традиции эмфатической молитвы, когда молящийся воссоздавал в голове религиозные сюжеты, одновременно и проговаривая, и визуализируя их. Далее в центре внимания искусствоведов оказалась визуальная культура, связанная с когнитивными

науками, согласно которым память человека по сути своей интермедиальна, так как она воспринимает артефакт сразу как совокупность медиумов, а не категоризирует его на виды искусства. Таким образом, синтетическое бытование артефактов предполагает неизбежный междисциплинарный подход к их осмыслению, основывающийся на равноценном соотношении разных теорий. Продолжая мысль Н.Н. Мазур, дискуссанта Любовь Дмитриевна Бугаева (СПбГУ) акцентировала внимание на неразрывности опыта переживания, чем может быть объяснена наша трактовка поливалентного объекта.

Примечательно, что дискуссия в конце третьего заседания, на наш взгляд, спонтанно обрела кольцевую композицию, когда Н.Н. Мазур предположила, что картина «Успение Богородицы» Тициана стала прообразом оперы “Die Meistersinger von Nürnberg” Р. Вагнера, то есть она была написана благодаря опыту синтетического осмысления, который композитор пережил, глядя на «Успение Богородицы».

В ходе дискуссии после доклада были подведены итоги круглого стола, на котором удалось рассмотреть интермедиальную теорию с разных точек зрения. С одной стороны, интермедиальность разворачивается внутри объекта, то есть анализируются, например, визуальные образы – экфрасис, интегрированный в словесный текст. С другой стороны, интермедиальность – это выход на «надповествовательный» уровень, когда синтезу подвержены жанры и произведения разных искусств. Как новые, так и «старые» (традиционные) медиа по своей сути мультимодальны и концентрируются не только и не столько на слове, сколько на взаимодействии разных видов искусств со словом и друг с другом. Такой подход к проблеме манифестирует необходимость междисциплинарности, чтобы с помощью разных теорий искусств комплексно анализировать произведения.

Наконец, интермедиальность, кроме интеллектуальных контекстов, находит себя в когнитивной сфере, то есть проявляется как реальный опыт синтетического переживания. И даже обсуждение интермедиальной проблематики в усложнившейся медиасреде оказалось интермедиально, совмещая в себе очные и дистанционные выступления и разные способы коммуникации.

Благодарности

Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 22-00-023) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the HSE University in 2022 (grant № 22-00-023).

Информация об авторах

Артём А. Рыжков, магистр филологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия; 190068, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 123, лит. А; artyomaryzhkov@gmail.com

Надежда В. Савченко, студентка образовательной программы «Филология», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия; 190068, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 123, лит. А; nvsavchenko_1@edu.hse.ru

Information about the authors

Artem A. Ryzhkov, master of Philology, HSE University – Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia; bld. 123, Griboedova Canal Embankment, Saint Petersburg, Russia, 190068; artyomaryzhkov@gmail.com

Nadezhda V. Savchenko, undergraduate student of Philology, HSE University – Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia; bld. 123, Griboedova Canal Embankment, Saint Petersburg, Russia, 190068; nvsavchenko_1@edu.hse.ru